

Письмо 21. Стратегия и тактика

Быть знаменитым некрасиво,

Не это поднимает ввысь...

Борис Пастернак

Наверно это был самый скверный период в твоей жизни, тебе было 11, мама разводилась с твоим отцом, появился в доме ее новый муж, и ты обиделся на всех. Я был в то время у вас в Израиле, пытался как-то сгладить ситуацию, но она раскручивалась все круче; взрослые справлялись, но твоя детская психология все время натывалась на непривычные «острые углы», уйти от которых было некуда. Вернувшись в Москву, я сказал твоей бабушке: если ты надеешься, что наш внук вырастет психически здоровым, надо ехать туда выручать его.

Вообще-то мы уезжать, тем более насовсем, не собирались. Оба заведовали лабораториями, имели множество друзей, деловых контактов, авторитет и уважение, которые гарантировали вполне надежную жизнь при всех поворотах власти в той непредсказуемой стране. У нас имелся полный «джентльменский набор» московской интеллигенции: квартира, машина, дача, гараж, связи во всех бытовых, медицинских и научных учреждениях и любимое хобби в Доме Ученых. Связи безукоризненно сработали и в части подготовки отъезда: мой друг Юлий «подарил» мне случайно доставшийся ему в израильском Технионе грант, которым он не собирался воспользоваться. Таким образом, стратегия определилась таким хитрым желанием: «уехать так, чтобы остаться», то есть, чтобы можно было при необходимости вернуться на прежние позиции без потерь. Это вполне соответствовало моему стратегическому критерию принятия решений: «Принятое оптимальное решение должно удовлетворять условию: при изменении ситуации оно (принятое решение) должно обеспечивать оптимизацию принятия решения в новых условиях». Таким образом, оптимизировалась не сиюминутная выгода, а возможности, свобода выбора в дальнейшем.

Я не хотел увольняться из Института, в котором проработал 38 лет, имел хорошие отношения на всех уровнях – от директора до бухгалтеров и секретарш, особенно с сотрудниками своей лаборатории, несмотря на эмиграцию дочери в Израиль. Еще несколько лет назад последнее обстоятельство поставило бы вопрос о моем пребывании в Академии наук под большое сомнение, но времена изменились.

Но тут нашелся «друг», который решил выгнать меня из Института, дождавшись подходящего момента. Человек средних способностей, как оказалось, всю жизнь завидовавший мне, В. Чантурия прошел через все унижения подхалимства перед стариками Академии наук, чиновниками и директором Института, и добился звания академика, то-есть предела мечтаний любого российского ученого. Перед выборами в академию я ему честно сказал, что сам я в эту игру больше не играю, но ни мешать ему, ни помогать не буду. Он мне припомнил это высказывание в порыве триумфального торжества, и чувствуя некоторую свою неполноценность на моем фоне, решил, что теперь он может все, в том числе легко расправиться со мной. Он уговорил директора устроить мне разнос, ограничить мое пребывание в должности зав.лабораторией одним годом, не утверждать моих отчетов и т.д. Все это не имело бы для меня никакого значения на

фоне эмиграции в Израиль, но ставило под удар возможность возвращения, судьбу моих сотрудников и личный престиж.

Что было делать? Забот у меня хватало и без этого, кроме того, у него появилась немалая власть, от которой зависели многие, кто мог бы поддержать меня. И я применил тактический прием, аналогичный Израилю в 6-дневной войне 1967 года. Как ты помнишь, египетские войска напали на Израиль и победно шествовали через пустынь Негев к Тель-Авиву. На следующий день израильская авиация разбомбила все египетские аэродромы вместе с самолетами, и войска Моше Даяна высадились на Синайский полуостров позади наступающей египетской армии, отрезав подвоз бензина, боеприпасов и продовольствия. Когда израильцы уже были на подступах к незащищенному Каиру, египтяне запросили мира. Похожая тактика была применена к Дамаску. Известно, что лучшая защита – нападение, но здесь был неожиданный обходный маневр с ударом в самое чувствительное место.

Я тоже не стал защищать отчеты своей лаборатории. Выступил на ближайшем собрании Института и заявил, что все работы новоиспеченного академика не светоч науки, а чистый обман, что за 30 лет этих работ ни одна промышленная установка так и не заработала (и это было правдой), что я готов теоретически доказать, что они и не могут заработать, что я сам видел в Норильске и на Урале выброшенные на свалку электролизеры Чантурии, а акты внедрений – подтасовка... Эффект был потрясающий. Многие в институте в самом деле верили, что работали бок о бок с замечательным ученым. Сам он в заднем ряду кусал губы и еще мечтал со мной расправиться. Но на следующий день я сумел договориться в одном небольшом информационном журнале, и мою статью вставили в уже выходящий номер. Не уверен, что статью заметили бы, но появившиеся вслед опровержения придали моим заметкам такой ореол серьезности, что Чантурии пришлось защищаться. Директор назначил семинар его лаборатории, на котором должны были доказать мне «истину», поскольку ни Чантурии, ни моя квалификация сомнений не вызывали. Лаборатория подготовилась, я тоже просмотрел в архиве их отчеты, и конечно, подловил кучу ошибок. Когда я представил его отчет по извлечению алмазов, где в одном эксперименте выловили алмазов в 6 раз больше, чем их было в пробе (и потом этот показатель усреднили с другими), сотрудница закричала, что это так, предварительные данные, не имеющие значения. «Не знаю, не знаю, - заметил я. – Отчет утвержден директором, и на его основе отправлен доклад на международный конгресс». Директор криво усмехнулся.

Когда я пообещал послать публикации в научные журналы, на этот конгресс и в газеты, они поняли, что пора сдаваться. Срочно была назначена аттестация меня и моей лаборатории, под председательством Чантурии. Все прошло более чем благожелательно, Ученый совет отменил старое решение и утвердил меня заведующим на следующие 5 лет. А я распрощался и уехал в Израиль.

Конечно, я «не додрался». После моего отъезда Чантурия еще долго трепыхалась, пытаясь перекрыть мои разоблачения; на всякий случай перестал публиковать за границей доклады о своем старом методе, перейдя на другую тематику. Все-таки подготовленная тогда моя статья еще вышла через 3 года, но мне уже было безразлично – мы собирались переезжать не в Москву, а в Торонто.

Наверное, не стоит тратить силы на реализацию целей, которые уже не представляют интереса.

Любимый город

Я приеду когда-то в этот суетный город,
Я пройду по Садовой загорелый слегка,
Узнавая приметы, жизнь прошла по которым,
И дома, что исчезли, простоявши века..
Этот город оставил нам шальное наследие,
Мы по жизни таскаем всех, кто в нем рождены:
Шибко шустрые внуки, больно бойкие дети,
Затаенные мысли, да порочные сны.
Ну и что ж, что теперь я, никому здесь ненужный.
Я старик еще крепкий, полон сил и огня.
Позвоню с автомата своей старой подружке:
- Как живешь, дорогая? Не узнала меня?
Совершенно случайно чуть знакомого встречу,
- А я думал, ты помер, - он мне скажет: - А так
В жизни часто бывает: кого нет, кто далече,
И кто был тебе друг, а кто, думал ты, враг.
Этот город любимый, мне чужой, незнакомый,
Словно фото, где снялся самый первый мой класс.
Нет здесь близких моих, нет работы и дома,
Ну а где он сейчас? Ну а где он сейчас?
Я приеду когда-то в этот суетный город...